

В. Г. Папава, Я. Е. Месхия

**Проблемы
инновационно – инвестиционной
политики в Грузии**

Тбилиси – 2003

Папава В. Г., Месхия Я. Е. Проблемы инновационно-инвестиционной политики в Грузии. Тбилиси, 2003. –

Рецензенты:

Т. А. Беридзе, д.э.н., профессор

Р. Л. Митаишвили, д.э.н., профессор

СОДЕРЖАНИЕ

1. Феномен некроэкономики в постсоциалистическом обществе.....	5
2. Проблемы инновационно-инвестиционной политики и экономического роста в Грузии.....	29

1. Феномен некроэкономики в постсоциалистическом обществе

Обеспечение экономического роста, базирующегося на более эффективном использовании ресурсов, рационализация структуры производства, повышение на этой основе жизненного уровня - решение этих задач, стоящих перед постсоциалистическими странами, - предполагает развертывание в экономике инновационных процессов. Ключ к освоению инновационного типа развития – формирование рыночных механизмов функционирования экономики.

Но для того, чтобы их успешно создать и эффективно использовать, нужно иметь четкое представление о том, в какой социально-экономической среде это приходится делать, что представляет собой экономика постсоциалистического переходного периода. Важно видеть,

что значительное место в ней занимают по сути нежизнеспособные предприятия и даже отрасли, которые могли существовать только в искусственных условиях командно-административной системы, прежде всего в условиях, исключавших конкуренцию предприятий как внутри страны, так и с зарубежными предприятиями. А ведь именно конкуренция позволяет четко различать эффективные и неэффективные производства.

Большинство стран с командной экономикой были объединены в единое экономическое пространство (наиболее наглядным примером тому служит Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в рамках которого любая товарообменная операция находилась под контролем государства, по сути определялась им. Это касалось и экономического сотрудничества со странами с рыночной экономикой. Отрицание конкуренции в командной экономике уничтожило самый

действенный стимул экономического развития, в результате чего, как правило, производилась низкокачественная продукция, цена которой была искусственно занижена за счёт дотаций из государственного бюджета.

На основе изучения и обобщения основных черт сформировавшейся при коммунистическом режиме в Польше командной экономики А. Липовски приходит к заключению, что страны с командной экономикой нельзя отнести ни к «развитым», ни к «развивающимся» странам. Для их характеристики он вводит термин *«ошибочным путём развитые»* (*«Misdeveloped»*) страны. Для них типична, в частности, неоправданно высокая доля промышленности в валовом внутреннем продукте из-за слишком низкой доли внутренней и внешней торговли и обслуживания. Чрезмерна доля производства средств производства за счёт занижения доли производства пред-

метов потребления. Слабо развито производство конкурентоспособной на международном уровне продукции. В широких масштабах производится не нужная потребителю продукция. Чрезмерно высока доля устаревшей продукции в промышленном производстве¹.

Свержение коммунистического режима, крушение командной экономики на фоне мирового рынка «оголило» экономику постсоциалистических стран: за некоторым исключением (в частности, первичной переработки сырья), продукция, произведённая в этих странах, из-за её низкого качества или (и) дороговизны оказалась неконкурентоспособной по сравнению с международными стандартами. Рынка для такой продукции не существует и, в принципе, не может существовать. Экономику такого типа, по нашему мнению, можно назвать «мёртвой», т.е. некро-

экономикой, а теорию, изучающую её, – некроэкономической теорией, некроэкономиксом².

«Оголение» командной экономики, устранение ее командно-административных подпорок, ликвидация политического режима, продлевавшего ее существование, наглядно выявили патологии в «ошибочном пути развитой» экономике, в результате чего, по нашему мнению, и возникла некроэкономика.

Когда какая-то часть экономики «мёртвая», то оставшаяся её часть будет «жизнеспособной», которую условно назовём витаэкономикой, а теорию, изучающую её витаэкономической теорией, витаэкономиксом.

Первый вопрос, на который необходимо дать ответ – что общего и чем различаются

¹ Lipowski A. Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990-1994. Warsow, 1998, p. 9, 31-32.

² См. подробнее: Папава В. Некроэкономика – феномен посткоммунистического переходного периода. – Общество и экономика, 2001, №5.

некроэкономика и витаэкономика?

В некроэкономике так же, как и в витаэкономике можно производить продукт, т.е. практически может иметь место предложение, но в отличие от продукта, произведённого в витаэкономике, на продукт, произведённый в некроэкономике, из-за его некачественности или (и) дорогоизны спроса нет. Следовательно, по сути исключено существование и равновесной цены.

Если определённый сегмент экономики мёртвый (т.е. невозможно его оживление), тогда, в принципе, и проблемы не должно быть: по здравому смыслу «мёртвая» экономика не может иметь никакого влияния на её «живую» часть. В условиях рыночной экономики это именно так: неконкурентоспособное производство фактически не создаёт никакой проблемы для остальной части экономики.

В рыночной экономике действуют

механизмы, устраниющие неконкурентоспособные производства. Именно этим можно объяснить «ограниченность» ареала исследований экономической теории проблемами рыночной экономики, ибо в ней некроэкономика как таковая в принципе отсутствует.

В корне отличается ситуация в странах, находящихся в процессе постсоциалистической трансформации. В них не только не развиты такие механизмы, но и существует реальный фундамент существования некроэкономики - материально-технической базы бывшей командной экономики.

С целью раскрытия механизма взаимовлияния некроэкономики и витаэкономики постсоциалистическую экономику структурируем следующим образом:

1. Некроэкономика в государственном секторе.

2. Витаэкономика в государственном секторе.
3. Приватизированная некроэкономика.
4. Приватизированная витаэкономика.
5. Витаэкономика, созданная новыми частными инвестициями.

В первую группу, как правило, входят по преимуществу крупные и средние объекты промышленности, которые исходя из предназначения видов продукции, производимых в них, оценены как стратегические, хотя из-за её неконкурентоспособности эти предприятия в условиях рынка являются «мёртвыми».

Основой витаэкономики, находящейся в государственном секторе, являются предприятия преимущественно топливно - энергетического комплекса (прежде всего производство и передача электроэнергии, добыча и переработка нефти и газа), транспорта и связи. В случае их приватизации они переходят в четвёртую группу

— в приватизированную витаэкономику. Эта группа также может включать некоторые средние и преимущественно мелкие объекты промышленности (до их приватизации).

В третью группу входят предприятия из первой группы после их приватизации. Изменение формы собственности само по себе вовсе не означает оздоровление неработающих предприятий, ибо состояние не меняется от того, чьим он является — государства или частной фирмы. Игнорирование этого факта является основной причиной известной дискредитации процесса приватизации, когда ей, особенно на её начальной стадии безотносительно и изолированно от процесса инвестирования и модернизации вменялась функция задействования неработающих предприятий независимо от того, «живым» или «мёртвым» было каждое конкретное предприятие в действительности.

Последняя, пятая группа, охватывает наиболее здоровую часть постсоциалистической экономики, которая вновь создана на базе рыночных принципов за счет частных инвестиций. Однако и в этой группе есть проблемы, которые требуют осмысления. В частности, проблема тех иностранных инвестиций, за счёт которых привлекаются не новейшие, а бывшие в употреблении, относительно устаревшие (точнее, морально устаревшие по мировым стандартам) технологии; им, по нашему мнению, больше подходит название «секондхэнд - инвестиции» (по аналогу с подержанными вещами). Произведённая на их основе продукция конкурентоспособна только в рамках «возникающих рынков» («emerging markets»), и то в ограниченном интервале времени – до проникновения на эти рынки конкуренто-способных по мировым стандартам товаров.

Следующий вопрос: что обусловливает стабильное существование некроэкономики в постсоциалистических странах? По нашему мнению, ответ на этот вопрос можно найти исходя из эволюционной теории экономических изменений³.

Основным «инструментом» этой теории является понятие «рутины» («routines»), под которым подразумеваются сформировавшиеся правила и способы поведения фирм, регулирующие его (поведения) воспроизводство⁴. Необходимо отметить, что в русскоязычном переводе вместо термина «рутина» часто используется термин «стереотипы»⁵, хотя, по нашему мнению, более целесообразно сохранить термин

³ Nelson R.R., Winter S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, 1982.

⁴ Миоррел П. Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством. В кн.: Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. Под ред. Н.А.Макашевой. М., 1994, с. 69.

⁵ Там же; Садыгов Ш.М. Макроэкономическое управление и магистральные модели. Баку, 1999, сс.12-15.

«рутиной», используемый в оригинале.

Именно «рутина», сформировавшаяся в течение многих десятилетий в недрах командной экономики, и является основным фактором того, что «заставляет» «мёртвые» предприятия работать уже в несуществующем режиме командной экономики, в результате чего их склады заполнены неконкурентоспособной продукцией, а из-за принципиальной невозможности её реализации накапливаются безнадёжные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, другим предприятиям. В результате создаётся запутанная сеть взаимной задолженности предприятий.

Согласно традициям, установившимся в командной экономике, когда предприятие накапливало долги (в том числе и осознанно), его директор в вышестоящих государственных органах ставил вопрос об их списании и, как правило,

достигал цели. При практически неограниченной (точнее, гарантированной) возможности списания долгов, их накопление не воспринималось как опасное для руководства предприятий. Данный механизм списания долгов является той закрепившейся «рутиной», которая, к сожалению, периодически проявляется в постсоциалистических странах в различных вариантах «налоговой амнистии» и т.п.

Человеческий фактор, как правило, имеет решающее значение практически в любом экономическом процессе. «Рутина», воспроизводящая некроэкономику, обусловлена поведением того человека, который находится в переходном процессе от сформировавшегося в условиях командной экономики *«homo soveticus*» - а (т.е. человека, подавленного государством и полностью зависимого от него) к типу человека, характерного для рыночной системы – *«homo*

economicus» (т.е. человека, побудительными мотивами которого являются получение максимальной полезности в домашнем хозяйстве и максимальной прибыли в фирме).

Тип человека, осуществляющего процесс посткоммунистической трансформации, квалифицирован нами как «*homo transformaticus*», т.е. человек, который не смог полностью освободиться от страха перед государством и от привычки существовать за счёт аккумулируемых государством ресурсов, хотя в то же время он постепенно начинает действовать, исходя из своих частных интересов достижения максимальной полезности и прибыли⁶.

⁶ Папава В. Доктрина рыночного равенства: вопросы теории и её приложения к процессу посткоммунистической трансформации. – Общество и экономика, 1999, № 12; Papava V. The Georgian Economy from «Shock Therapy» to «Social Promotion». – Communist Economies & Economic Transformation, 1996, Vol. 8, No.8; Papava V. The Georgian Economy: Main Directions and Initial Results of Reforms. In: Systemic Change in Post-Communist Economies. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. Ed. by P.G.Hare. London, 1999.

В предпринимательстве «*homo transformaticus*» приобретает особенную форму, корни которого уходят в командную экономику.

Даже в условиях командной экономики отдельные элементы рыночной экономики существовали. Но были настолько подавлены государством, что существовали лишь в «теневом» секторе⁷. В условиях командной экономики ни один директор (за редким исключением) в принципе не мог так руководить предприятием, чтобы не нарушить законы, установленные существующим режимом. В тех или иных масштабах использовались элементы рыночной экономики, но эта деятельность относилась к «теневому» сектору. Эти директора в условиях командной экономики не стали и принципиально не могли стать предпринимателями рыночного типа, ибо их поведение

⁷ См. например.: Шохин А.Н. Социальные проблемы перестройки. М., 1989. сс. 57-83.

было сковано политическим прессом существующего коммунистического режима. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что эти директора предприятий, использовавшие в своём поведении элементы рыночного типа, назывались не «предпринимателями», а «дельцами».

После крушения командной экономики бывшие дельцы в большинстве случаев сумели сохранить за собой места директоров в государственном секторе, а при их приватизации воспользовались правами трудовых коллективов и стали собственниками соответствующих предприятий. Независимо от того, нанимали они менеджеров или нет, они управляли предприятиями, особенно на начальном этапе постприватизационного периода, в духе «мышления дельца», т.е. были склонны продолжать практику теневой экономики.

Бывшие дельцы зачастую не становились

20

настоящими легальными предпринимателями. Их можно назвать «постдельцами» (из-за исключительно советского происхождения этого феномена и в английском целесообразно сохранить русское звучание – «Post-Delets»)⁸.

Именно постдельцы стоят «за спиной» некроэкономики как в государственном, так и в частном секторе, именно они являются «инициаторами» поведения, соответствующего «рутине» командной экономики. Постдельцы, используя старые связи, проникают в государственные структуры (как в парламент, так и в правительство) и своим влиянием стараются политически оправдать и продлить существование некроэкономики.

Однозначно можно сказать, что некроэкономика служит интересам постдельцов,

⁸ См. Papava V., Khaduri N. On the Shadow Political Economy of the Post-Communist Transformation. An institutional Analysis.-Problems of Economic Transition. 1997, Vol.40, No.6.

и пока они не будут «замещены» на базе соответствующих институциональных реформ предпринимателями, некроэкономика всегда будет иметь почву для существования.

Явно отрицательное влияние некроэкономики на развитие постсоциалистических стран не вызывает сомнения. Следовательно, необходимо разработать и задействовать тот механизм, который решит проблему «мёртвых» предприятий в «автоматическом» режиме, характерном для рыночной экономики. Иными словами, данный механизм должен обеспечить повсеместное распространение рыночных принципов экономической жизни.

Путь к решению проблемы подсказывает вышеупомянутая эволюционная теория экономических изменений.

Формирование рыночных механизмов преимущественно происходит в пятой группе

постсоциалистической экономики – в частном секторе, созданном исключительно за счёт частных инвестиций. Поэтому эта группа требует особого внимания со стороны государства, которое должно содействовать её укреплению и расширению; государство должно заботиться о создании такой стабильной политической и макроэкономической среды, в которой за счет частных инвестиций будут появляться новые фирмы. Основным приоритетом экономической политики посткоммунистического государства должно стать сужение ареалов первой и третьей групп за счёт повсеместного расширения пятой группы.

Несмотря на естественную «непривлекательность» тех фирм из пятой группы, которые создавались за счёт «секондхэнд – инвестиций», они в условиях существования надлежащей законодательной базы практически не могут

стать источником создания некроэкономики, так как их формирование происходит по принципам рыночной экономики, из-за чего при потере ими конкурентоспособности они уходят с аренды.

Что же касается второй и четвёртой групп, то независимо от того, принадлежит ли данное конкретное предприятие всё ещё государству или уже приватизировано, оно безотлагательно требует привлечения новых инвестиций за счёт продажи соответствующей доли собственности или по крайней мере путём передачи права управления на долгосрочный период стратегическому инвестору; в противном случае вероятность того, что витаэкономика во второй и четвертой группах перерастёт в некроэкономику, соответственно, первой и третьей группы, значительно возрастёт.

Как отмечалось выше, приватизация сама по себе вовсе не приводит к уничтожению

некроэкономики. Следовательно, для обеспечения функционирования стратегических по своему назначению предприятий из первой группы у государства есть только один выход: проведение открытого международного тендера с целью выявления стратегического инвестора, которому конкретный «мертвый» объект (а точнее, право начать соответствующее стратегическое для данной страны производство в стенах «мёртвого» объекта) будет передан с правом управления на долгосрочной основе. Не исключено, что этот объект может быть непривлекательным для стратегического инвестора, и тогда государству необходимо пойти на приватизацию данного объекта по символической цене, ибо «мёртвое» предприятие дорого стоить не может.

Абсолютно никакой перспективы нет у третьей группы – приватизированной некро-

экономики.

Единственная правильная оценка подавляющей части материально-технической базы некроэкономики - это не иное, как металлолом. Следовательно, уничтожение (в прямом смысле) некроэкономики возможно путём непосредственной продажи металлолома, в том числе путём экспорта, ибо это даёт доход в твёрдой валюте, что в принципе может быть использовано для создания витазэкономики.

Рутинные представления, сложившиеся в командной экономике, тормозят признание данного факта и, как следствие, мешают освобождению от такого оборудования (а порой и обуславливают запрет), особенно если речь идет об экспорте. В итоге продлевается существование некроэкономики.

Действенный механизм уничтожения некроэкономики непосредственно связан с

законодательством о банкротстве. Однако хотя в Грузии закон о банкротстве, проект которого был подготовлен иностранными экспертами на основе обобщения мирового опыта, был принят парламентом несколько лет тому назад, к сожалению, он оказался «мёртворожденным»: ни одно фактически обанкротившееся предприятие в Грузии не обанкротилось юридически. Объясняется это тем, что этот закон не «вписался» в существующие в стране институты.

То что происходит с законом о банкротстве в Грузии, является наглядным подтверждением того, что новые институты в посткоммунистических странах создаются под давлением международных финансовых институтов по западным образцам, путём имитации западных оригиналов. В результате институты, соответствующие развитой рыночной экономике, зачастую нежизнеспособны, а в худшем случае

могут порождать и негативные эффекты. Здесь уместно вспомнить, что Международный Валютный Фонд часто подвергается справедливой критике по поводу ускоренного и в то же время упрощенного подхода к институциональным реформам, в результате чего страдает процесс утверждения рыночной экономики.

Формирование рыночной экономики, «замещение» постдельцов предпринимателями и, как следствие, уничтожение некроэкономики возможно исключительно путём создания институтов, адекватных условиям постсоциалистической трансформации. Безошибочным же индикатором завершения переходного процесса является уничтожение феномена некроэкономики.

2. Проблемы инновационно-инвестиционной политики и экономического роста в Грузии

Отправной темой поиска конкретных путей выхода из тяжелейшего кризиса, в котором Грузия оказалась после распада СССР, определения инновационно-инвестиционной политики и ее влияния на экономический рост является анализ специфики страны, ее современного социально-экономического положения, традиций и менталитета. Такой подход особенно важен для решения народнохозяйственных проблем в контексте некроэкономики и витазэкономики.

Современная многоукладная экономика Грузии берет начало от директивно-плановой экономики советского периода и, естественно, ей присущи все негативные и позитивные стороны, характерные для этого периода. Советская

экономика, не реализовав в должной мере возможности индустриализма для развития, испытала на себе многие его негативные воздействия планово-распределительной системы. Особенностью развития плановой экономики Грузии является ее инерционно-экстенсивный характер с односторонним акцентом на развитие природно-монопольных сельскохозяйственных культур и тяжелой индустрии. В рамках народно-хозяйственного комплекса СССР Грузия специализировалась на производстве экспортной продукции: марганцевой руды, металлорежущих станков, электровозов, а также продукции легкой и пищевой промышленности, особенно шампанское, плодоовощные консервы и т.д.

В то же время Грузия испытывала дефицит сырья и особенно пищевых продуктов. Например, в республику завозилось более 70 % сырья для металлургического комплекса, почти 100 %

древесины, 40-50 % цемента, 75-80 % сырья для легкой промышленности, 100 % животного и растительного масла и сахара, 65-70 % зерна, 45-50 % мяса и мясопродуктов и т.д. Все это свидетельствует о нерациональной структуре экономики и отсутствия комплексности в ее развитии, которые особенно ярко проявились после восстановления государственной независимости Грузии.

Одной из позитивных особенностей экономики Грузии в условиях планового ведения хозяйства являлось преобладание в сельском хозяйстве частного сектора. В личных подсобных хозяйствах производилось почти 80 % цитрусовых, 60 % - винограда, 50 % - картофеля, 80 % - фруктов, 60% - молока и т.д. Благодаря этому в Грузии создались благоприятные условия для перевода сельского хозяйства на рыночные отношения.

После распада СССР в Грузии возникла проблема создания нового демократического общества с рыночной экономикой. Первоначальные надежды на то, что республика имеет все экономические условия для автономного решения назревших социально-экономических проблем и быстрого перехода к рыночным отношениям, не оправдались. Практика показала, что процессы экономической трансформации не только длительны и сложны, но и очень болезненны для общества.

Особенно неудачным оказался первоначальный этап перехода к рыночным отношениям. Страну охватил глубокий политический и экономический кризис, что было обусловлено действием ряда объективных и субъективных факторов. К числу таких факторов можно отнести чрезмерные иллюзии и эмоции в связи с восстановлением государственной неза-

висимости страны, политическое противостояние внутри государства, гражданская война, военные действия с целью сохранения территориальной целостности страны, некомпетентность руководителей государства и т.д.

Процесс трансформации экономической системы в Грузии происходит и происходит в настоящее время очень сложно. ВВП в 2000 г. увеличился на 132,9 % по отношению к 1995 г. Последние пять лет среднегодовой темп прироста ВВП составил 5,9 %, однако такой достаточно высокий темп обусловлен экономическим подъемом за 1996-1997 гг. Последующие годы характеризовались существенно более низкими темпами прироста ВВП (среднегодовой темп прироста составил 2,6 %).

Одной из главных причин падения темпов экономического роста, на наш взгляд, является отсутствие научно-обоснованной концепции и

соответствующей программы инновационного и инвестиционного развития. В связи с этим наблюдается лишь слабая активизация инвестиционной деятельности и, следовательно, отсутствует эффективный механизм, отвечающий требованиям преодоления кризиса и оздоровления экономики, либерализации условий работы хозяйственных субъектов. Прошедшее с начала экономических реформ время дает возможность оценить негативные и позитивные стороны проводимой инновационно-инвестиционной политики в Грузии.

В настоящее время в Грузии отсутствует благоприятный инновационный климат. За годы экономических реформ выявились технологическая и инновационная отсталость на всех крупных предприятиях страны. Выпускаемая промышленностью продукция становится все менее конкурентоспособной из-за свертывания

капитальных вложений в НИОКР, отсутствия модернизации основных производственных фондов, освоения новых изделий, отвечающих требованиям международных стандартов.

Разгосударствление и приватизация предприятий, которые и до этого не имели солидной научно-технической базы, привели к тому, что они из-за отсутствия финансовых ресурсов полностью утратили возможность сохранять или создавать собственные научно-технологические подразделения. И, как следствие, с учетом незащищенности внутреннего рынка от внешней конкуренции, отечественная промышленность стала неконкурентоспособной на мировом рынке. Анализ показал, что инновационный процесс происходит лишь на совместных с иностранным капиталом предприятиях. Научные исследования, проектно-конструкторские и опытно-экспериментальные работы проводятся лишь на

немногих предприятиях. Отечественные предприятия почти не приобретали лицензий, ноу-хау и др. Освоением новых видов продукции или совершенствованием производимой заняты лишь несколько предприятий в области производства космических антенн, самолетостроения, электровозостроения.

Отсталость в сфере инноваций в первую очередь объясняется недооценкой роли научно-технического прогресса и новых технологий в обеспечении экономического роста. Продолжающиеся в последние годы процессы деградации научно-технической сферы, падение престижа научного труда, утечка умов существенно влияют на воспроизведение научно-кадрового потенциала и представляет серьезную угрозу для будущего науки в Грузии.

По качественному составу научных работников Грузия в рамках бывшего СССР занимала

одно из ведущих мест. Например, в 1990 г. в общем числе научных работников ученую степень доктора наук из общего числа ученых имели в Грузии – 4,7 %; в Российской Федерации – 1,8 %; на Украине – 1,7 %; в Белоруссии – 1,1 %; в Узбекистане – 2,4 %; в Казахстане – 2,2 %; в Армении – 2,4 %; в Туркменистане – 1,3 % и т.д.⁹ За последние десять лет в Грузии количество докторов наук увеличилось почти на 400 единиц и в 2000 г. составило 1620 человек, однако количество лиц, имеющих степень кандидата наук, снизилось с 8025 в 1990 г. до 6922 в 2000 г. Анализ динамики присуждения ученых степеней грузинским специалистам по отраслям науки показывает, что кадровый потенциал естественных и технических наук растет медленнее, нежели гуманитарных наук.

⁹ Подробнее см. Чикава Л. Экономический потенциал Грузии и уровень его использования к началу становления новой социально-экономической системы. – Общество и экономика, 1998, №2, с. 17.

Снижение количества кандидатов наук объясняется тем, что молодые специалисты неохотно идут в аспирантуру, так как государство не обеспечивает их стипендией и материалами для опытно-исследовательских работ. На этот процесс большое негативное влияние оказывает потеря престижа научных кадров, мизерная заработка плата ученых, которая покрывает не более 20 % прожиточного минимума. Тенденция снижения количества защит кандидатских диссертаций, по-видимому, сохранится в ближайшей перспективе в связи с финансовыми проблемами в сфере НИОКР, а в отдаленной перспективе сократится численность докторов наук в связи с уменьшением числа подготавливаемых кандидатов наук. Кризис экономических и социальных систем в Грузии стимулирует утечку умов в западные научные центры, хотя количество научных эмигрантов не очень

велико, но оно все же снижает научно-кадровый потенциал страны.

О недооценке роли науки свидетельствует факт постепенного сокращения штатов в научно-исследовательских центрах страны. Правда, количество научно-исследовательских организаций на протяжении последних десяти лет снизилось лишь на 3 единицы, однако количество научных работников с 25185 в 1990 г. Сократилось до 17762 единиц. При этом средний возраст научных сотрудников неуклонно увеличивается, молодежь не идет в науку.

Естественно, что такой маленькой стране, как Грузии, развивать все направления науки не удастся. Поэтому необходима приоритетная государственная поддержка тех направлений науки, по которым накоплен большой опыт и имеются существенные заделы. В государственной инвестиционной поддержке нуждаются, в

первую очередь, научно-исследовательские центры АН Грузии, где ведутся фундаментальные научно-технологические разработки.

Финансирование науки и научного обслуживания из государственного бюджета Грузии по прежнему осуществляется по остаточному принципу. Его доля в ВВП не превышает 02,-0,3 %. В ближайшем будущем не прогнозируется преодоление кризиса государственного бюджета Грузии, что ставит задачу поиска альтернативных путей финансирования НИОКР. В этом направлении можно использовать такие формы финансирования, как кредитование коммерческими банками стратегических инновационных исследований, выпуск акций инвестиционными компаниями и т.д. В качестве инвестиционных источников предлагается также ограниченная денежная эмиссия для возвратного кредитования роста инноваций и высоко-

технологических производств¹⁰. Однако такой подход для Грузии в настоящее время неприемлем из-за глубокого кризиса налогово-бюджетной системы и хрупкой политической стабильности.

Помимо инновационного кризиса, экономика Грузии за последние годы характеризуется и продолжительным инвестиционным кризисом. При этом сокращение капитальных вложений намного опережало уменьшение объема ВВП. На начальном этапе экономических реформ снижение инвестиций было особенно заметным в строительстве; на нынешнем этапе заметно увеличился объем инвестиций в непроизводственной сфере. Инвестиции в основной капитал особенно возросли в 1997-1999 гг., что было связано с вводом в строй международной нефтемагистрали через территорию Грузии.

¹⁰ Новицкий Н. Инновационный путь развития экономики. – Экономист, 2000, № 6, с. 36.

Образовано несколько малых инвестиционных фондов, которые закупают ваучеры у частных лиц для их дальнейшего инвестирования в бывшие государственные предприятия.

Начиная с 1999 г. сокращаются иностранные инвестиции в основной капитал, что объясняется отсутствием крупномасштабных инвестиционных проектов.

В настоящее время в Грузии Европейский банк реконструкции и развития осуществляет реализацию 14 крупномасштабных инвестиционных проектов на сумму 169,3 млн евро. Кроме инфраструктуры банк большое внимание уделяет осуществлению частных проектов в сфере финансов, энергораспределения, в промышленном и аграрном секторах.

Ввиду того, что в государственном бюджете отсутствуют средства для инвестирования, а частный сектор все еще слаб,

основным фактором преодоления инвестиционного кризиса является привлечение иностранного капитала. Принятый в Грузии закон об иностранных инвестициях создает достаточно благоприятные условия для их привлечения, однако их годовые значения незначительны и не соответствуют основным макропоказателям грузинской экономики. При этом прямые иностранные инвестиции сосредоточены в основном в финансах, топливно-энергетической индустрии, в связи, торговле и общественном питании. Почти отсутствуют иностранные инвестиции в таких отраслях реального сектора экономики, как машиностроение, черная и цветная металлургия, пищевая и легкая промышленность. Иностранные инвесторы сами избирают отрасли деятельности, руководствуясь нормой прибыли на вложенный капитал.

В региональном разрезе основная доля прямых иностранных инвестиций приходится в основном на экономику столицы Грузии – Тбилиси, и лишь малая часть – на другие регионы страны. Такое региональное распределение иностранных инвестиций, нерациональное с точки зрения выравнивания уровня экономического и социального развития страны, и вообще низкой активности иностранных инвесторов объясняются слабостью экономической политики страны, прежде всего в вопросах страхования, залога, гарантий безопасности капитала и инвесторов, обеспечения последних соответствующей информацией и инвестиционными проектами. Следует также отметить высокий риск вследствие взрывоопасных ситуаций внутри страны, широких масштабов коррупции и теневой экономики и т.д. Все эти факторы

повышают степень риска и, следовательно, отпугивают иностранных инвесторов.

Постоянно изменяется система налогообложения, что делает непредсказуемыми результаты экономической деятельности, в т.ч. и рентабельность инвестиционных проектов. Ряд положений закона «О иностранных инвестициях в Грузии» устарел и не соответствует нынешнему этапу реформирования грузинской экономики. В первую очередь необходимо совершенствовать налоговые инструменты стимулирования активности иностранных инвесторов. На наш взгляд, с этой целью следует освободить от налога на прибыль средства, направленные предприятиями отраслей материального производства на финансирование капитальных вложений производственного назначения, а также на погашение банковских средств, использованных на эти цели. Кроме того, по-видимому, надо продумать вопрос

о возможности предоставления определенных таможенных льгот для иностранных инвестиций, ввозимых в страну новой техники и технологий.

С целью стимулирования экономического роста особенно актуально упорядочение налоговой системы Грузии. В целом нынешняя налоговая политика свидетельствует о постепенном усилении ее регулирующей функции, которая выражается в ослаблении налогообложения прибыли и в увеличении налогового бремени на потребителя. Регулирующая функция налогов особенно четко проявляется в сельском хозяйстве, где предоставлены многие льготы по различным видам налогов. Поиск оптимальной налоговой системы в Грузии продолжается. Об этом свидетельствуют почти ежемесячные поправки в Налоговом кодексе, но это препятствует стабильности налогового законодательства и

следовательно, негативно влияет на инвестиционную активность предпринимателей.

Важное значение для усиления инвестиционной активности и ускорения экономического роста имеет денежно-кредитная политика. Проводимая в Грузии жесткая монетаристская политика направлена в основном на подавление инфляции и достижение устойчивости национальной валюты. Такой подход является наиболее простым решением острых экономических проблем, но он не может дать позитивных результатов в перспективе, поскольку дефицит товаров модифицируется в дефицит денег, что делает уязвимой национальную валюту, приводит к долларизации денежного обращения и сбережений.

Денежно-кредитная политика в первую очередь должна взять ориентацию на рост темпов валового внутреннего продукта, а нормативы

инфляции и дефицита бюджета должны представлять собой индикаторы, связанные с экономическим ростом. Отдельно взятая, оторванная от целой экономики денежно-кредитная политика не может быть эффективной. Необходимо разработать стройный механизм и координировать такие финансово-экономические показатели, как валовый внутренний продукт, денежная масса, эмиссия, кредитные вложения, индексы цен и инфляции, доходы населения, курс валюты, сальдо товарного баланса, валютные резервы Национального банка и др.

Модель «шоковой терапии» является консервативной западной экономической доктриной, упор в которой делается на денежно-кредитную политику для достижения макроэкономической стабилизации. Вариант «шоковой терапии», применяемый в Грузии и одобренный МВФ и другими международными финансовыми

институтами, включает в себя ряд мер, цель которых – создать свободный рынок и достичь макроэкономической стабильности. Это необходимые ориентиры. Однако, представители международных финансовых институтов не скрывают, что их рекомендации не касаются всего комплекса экономической политики, в частности, таких ее элементов, как развитие микроэкономики, определение национальных приоритетов, научно-техническая политика и т.д. Их модель предполагает, что после разрешения денежно-финансовых проблем, объем производства будет увеличиваться без вмешательства государства. Однако, как показывает опыт, не может быть достигнут экономический рост без хорошо продуманной промышленной политики, одной из главных задач которой является стимулирование инновационного процесса.

Проблемы инновационно-инвестиционной политики в Грузии

Тбилиси – 2003

Авторы: Папава Владимир Георгиевич,
д. э. н., профессор, член
кореспондент АН Грузии

Месхия Яков Егнатович, д.э.н.,
профессор

Тираж - 500